

The background of the entire cover is a lush, textured painting of a rose bush. It features several large, vibrant pink roses in various stages of bloom, some with yellow centers. Interspersed among the green leaves are several bright red rose hips. The painting style is detailed and somewhat impressionistic, with visible brushstrokes and a rich, saturated color palette.

Анна-Нина
Коваленко

Цветы ШИПОВНИКА

Этот мир

Анна-Нина Гаврииловна Коваленко

Цветы шиповника. Этот мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478317

ISBN 9785005062284

Аннотация

Книгу мою я посвящаю читателю и делюсь с ним моим жизненным опытом, не навязывая и не ставя себя в пример для подражания, а предупреждая от возможных ошибок, свойственных неведению молодости, и от всей души желая новому поколению мира и счастья.

Содержание

Об авторе	5
Моя жизнь, или биография	9
I. Мир вверх тормашками	10
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Цветы шиповника

Этот мир

Анна-Нина
Гаврииловна Коваленко

Иллюстрация на обложке Анна-Нина Коваленко

© Анна-Нина Гаврииловна Коваленко, 2019

ISBN 978-5-0050-6228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Анна-Нина Коваленко

Художник, писатель, актер сцены. Родилась во время Второй мировой войны в Сибирской деревне Сидорёнково в семье из старообрядцев. Училась в Москве: Московский энергетический институт, затем Всесоюзный государственный институт кинематографии. Работала журналистом, худож-

ником. Уезжала в Сибирь (Кемерово), работала для шахтерской прессы: ТВ, газеты «Знамя коммунизма», «Кузбасс» (1966—1968). Снова Москва.

Занималась рисунком и живописью в студии А. Максимова. Вступила в Ассоциацию независимых художников на М. Грузинской, 28 (1978). В 1979—1986 годах была объектом «наблюдения» и арестов за активные выступления против войны в Афганистане. В конце 1984 года стала членом группы мирных инициатив «Доверие» («За установление мира и доверия между Востоком и Западом»). За свои мирные убеждения и мирные акции, выступления за свободу выставок, организацию «андер-граунд» выставок в содружестве с творческой молодежью – хиппи подвергалась многочисленным арестам, избиению, заключениям и помещению в психиатрический госпиталь (им. Кащенко), где подвергалась пыткам, принудительному «лечению» нейролептиками, инъекциями, нацеленными на физическое уничтожение. Последнее заключение Анны-Нины было в Кащенко за организацию вместе с В. Зюзиным выставки-парада «Искусство сильнее бомб» (6 сентября 1986 г.), закончившейся её разгоном силами КГБ, избиением и арестами художников, конфискацией либо уничтожением их работ. В конце декабря 1986 г. Анна-Нина была освобождена из психиатрического заключения после подписания документа, в котором обещала покинуть СССР в течение 6 дней. Получила политическое убежище в Посольстве США в Москве и в январе 1987 г.

прибыла с дочерью-подростком в Нью-Йорк.

Участник многочисленных выставок в Нью – Йорке, Нью-Джерси, Чикаго (США) и городах Европы. 1999—2014 – обладатель наград (дипломов и медалей) от Национальной федерации французской культуры (Fédération Nationale de la Culture Française).

Театры: Dixon Place и Joyce's Theater (NYC); Manhattan cable TV «Ideas and Images»; Hudson Guild Theater.

Фильмы: Razor of Trebliz; Nuclear Family (Omar Ali Cosma); Bounds (Devin Horan); Dream of Dance (Irina Varina).

Член Клуба русских писателей Нью-Йорка с 1984 г. Член American Pen Center (Американского писательского центра). Опубликовала воспоминания о Малой Грузинской, включая «Дни Анатолия Зверева» (1990) и др.; «Рукопись, найденная в Верхнем заливе, или Белая лошадь» (2000 – Effect Publishing Нью Йорк, 2014 – Москва, «РИОР»); «Тысячелистник»; «Пять ступенек к воскресению» (2013— Москва, «РИОР»), «Приземления» (2016 – Москва, «А-проджект»), а также рассказы и очерки в русскоязычных журналах в России: «День и Ночь» (Красноярск), «Север» (Мурманск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дворцовая, 26» (Петербург) и США («СЛОВО-WORD», Нью-Йорк). Автор нескольких произведений на английском языке («Purgatory», «Beyond the Little Prince», «Siberiada» и др. – Xlibris, Филадельфия США – конец 1990-х, «White Horse», «Five steps to Resurrection», «Landings» – Trafford Publishing – Индиана

США, 2014—2016).

Живет и работает в Нью-Йорке.

Контактная информация:

P.O. Box 8679, NYC, New York, 10116 USA

Телефоны:

+1 (212) 470—7876 (США);

+7 (985) 481—7295 (Россия)

E-mail: ninakovalenko@yahoo.com

www.facebook.com/annanina.kovalenko

Моя жизнь, или биография

I. Мир вверх тормашками

Хочу сказать сразу: моя биография, моя жизнь – это всего лишь моя жизнь, а не руководство к успеху, о нет. Да и кто я? (Сама не знаю.) Ищущим подсказки к успеху, личному ли, финансовому, лучше отвернуться от моей писанины – достаточно взглянуть на дом, в котором прошло моё счастливое детство, чтобы отвернуться, как несовершеннолетним при просмотре взрослых сцен.

...Есть что-то роковое в том, что каждый год семнадцатого марта я выхожу на улицу в поисках первых весенних цветочков. И нахожу – как правило, цветочки мать-и-мачехи. (Я даже помню их запах – запах весны!) Видимо, это и есть мой день рождения. Хотя, по рассказам матери, я родилась на куче чёрной смородины рассыпанной по полу, и значит, правильно, как по документам, в августе. В Нью-Йорке каждое семнадцатое марта бывает парад в честь Святого Патрика, и хоть я толком об этом святом ничего не знаю, в этот день надеваю зелёное и спешу примкнуть к параду – в качестве зрителя на обочине.

Семнадцатого же марта родился великий русский художник-мистик Михаил Врубель...

Одно из ранних воспоминаний: мир вверх тормашками. Я на пригорке, широко расставив ноги, наклонилась и смотрю

на мир между ног: получается мир вверх тормашками: внизу небо, на нём, то есть по нему – плавают птички вверх животом; над небом нависают колоски, зелёная трава и редкие цветочки, а дальше – сосульками деревья...

Я родилась в сибирской деревне Сидорёнково. Моя бабушка по матери – Анисья Михайловна, девичья фамилия Толоконникова, родом из-под Пензы, была старшей сестрой в семье, мать умерла рано, отец снова женился, всего родных и приёмных (сводных) детей было много, кажется, двенадцать. Бабушка говорила, что когда ей было 15—16 лет, она служила кухаркой в доме богатого татарина. Это, конечно, было в Пензе, а в Сибирь они – Толоконниковы – переехали позже. Тут она встретила моего биологического дедушку Константина Михайловича Сидорова: нанялась работать у его семьи на сезонных работах, понравилась всем и ему, и вышла замуж. Они с Константином были абсолютные ровесники, то есть родились в один год, один месяц, один день – 7 января 1885г. У них даже отчества одинаковые – Михайлович и Михайловна. Откуда его предки, толком не знаю (возможно, с Дона), знаю, что все виденные мною его родственники были брюнетами и брюнетками с чёрными или ярко-синими глазами. В деревне, где я родилась, чуть ли не все были Сидоровы, даже и не родственники – возможно, им дали такую фамилию при какой-то регистрации, и сельчане, чтобы не путаться, различа-

лись по кличкам: Чирки – за ловкость в танцах, есть такая птичка, «Чирок»; Пашухины – от имени главы рода: Павел, или Пашуха; Цыганковы – за чернявость – кстати, родственники моего дедушки Константина; ДмитриАлександровичевы (понятно, от имени главы рода); Морковники – за морковь, высаживаемую в огромном объёме хозяином участка «Морковником» в расчете на профит от продажи; и т. п.

В 1918—20 г. г. Константин организовал партизанский отряд, который хотел добиться независимости Сибири – наивная идея. Это было смутное время в Сибири. Его поймали, пытали, казнили. Потом – переловили и убили весь отряд, и теперь они все лежат в братской могиле в городе Бочаты. У меня есть, хранится мамин рассказ об этом, а также мною написан рассказ «Ночные голоса» со слов бабушки, и он же, то есть рассказ бабушки, войдёт (без эпиграфа) в мою повесть «Дальние Страны» как «Колыбельная».

После его гибели бабушка вышла замуж за Прокудина Поликарпа Сергеевича – моего приемного дедушку. Он относился ко мне как к родной внучке, называл «Голубка». Статный, кареглазый, истинный сибиряк, с густой шевелюрой и ослепительной улыбкой – как он сохранил такие зубы (все!), не понимаю, ведь он постоянно курил «самокрутки», табак сам выращивал... У него были также братья-сёстры, староверы, после установления советской власти и коллективизации его братья ушли в тайгу, а он остался и работал в колхозе пчеловодом, и бабушка ему помогала. Иногда,

помню, приходили из тайги и останавливались на пару дней родственники со странными именами – Петропей, Фома... Среди его родных даже был Наполеон. Однажды по настоянию односельчан дедушку назначили председателем колхоза («Хватит с нас иногородних!»), но вскоре по анонимному доносу о его «вредительстве» (он приказал скосить на силос «зелёнку» – зелёный овёс, так как ожидалось заморозки, овёс не мог созреть), арестовали и посадили. В моём рассказе «Девочка с глазами синими как море» из «Белой Лошади» есть достоверная картина его ареста, в чём я, ребёнок, винила тогда себя за вырванную мною в огороде морковку. Позже благодаря защите его освободили. Тогда он собрал все ульи и удалился с этой пасекой в тайгу, откуда лишь присылал продукцию, то есть мёд, колхозу. Там и умер.

Бабушка Анистья – изящная, сероглазая, была удивительно мягким, приветливым человеком. В избушке всегда хватало места для городских и местных гостей. И ещё, меня не перестаёт поражать, откуда она находила силы после тяжёлого трудового и хлопотливого дня, перед тем как заснуть, долго молиться в темноте, а потом подсаживаться ко мне и рассказывать удивительные истории и сказки. Она брала меня с собой на пасеку и в согру* (*сибирский мелколистственный лес) по ягоды, грибы ли, и по дороге объясняла названия и назначения встречающихся растений. Мы шли по согре – я отставала, оглядывалась назад, жадно фотографировала глазами картинки природы: берёзки, ромашки,

душистый горошек, холмы, облака, ленточка реки вдалеке, и всё с одной недетской мыслью: «Надо это запомнить... Надо запомнить...» – как бы впитывая кожей законы светотеней. Бабушка приводила в чувство окриком: «Не отставай! Чо стала?»»

У неё было 14 детей – от первого брака 4 и во втором браке 10. Но в живых остались только четверо: от Константина моя мама и дядя Лёня – в 20 лет он погиб в Сталинграде, то есть дожил до двадцати. От Прокудина – Валентина и Ксения, все остальные дети умирали и погибали детьми от несчастных случаев (тонули, травились) – бабушка была слишком занята на колхозных работах и не могла усмотреть. Но я узнала об этом много позже, она никогда не говорила о своих потерях. Ещё, она никогда не целовала меня и никогда не наказывала – удивительный приём воспитания. Мне вообще была предоставлена полная свобода действий и, соответственно, познания мира. Существовало табу на слово «куда» («Ты куда?» и т.п.) Я до сих пор не переношу этого вопросительного слова. С младенчества помню себя прыгающей через (падающей в-) колодезь; реву – иду домой с окровавленными перемолотыми руками – засунула в колхозную точилку; прыгающей через костёр – и потом лежащей в постели с обожжёнными ногами; парализованной, лежащей на спине с поджатыми в коленях ногами (исцелила потом наговорами деревенская знахарка); лежащей на полу с заплывшими глазами и с головой разбухшей как котёл –

сунулась в улей в поисках мёда... Спускаюсь по обрыву, что над омутом: вижу внизу темно-зелёную неприветливую воду и чувствую что-то неладное... Тут меня спасает 12-летний пионер Егор Цыбин, по отвесной стенке обрыва выносит наверх. Или, вот: спускаюсь к реке по пологому берегу и ступаю в воду: вода мне по колено; по пояс... по шейку... с головой. Тут я чувствую, что меня не держат ноги. Задержав дыхание, страшным усилием разворачиваюсь на 180 градусов и – выбираюсь из воды на берег. Это было вскоре после того, как та же самая река унесла от меня друга моего раннего детства Славу. Только я тогда не понимала происшедшего, то есть, понимала по-своему, и об этом рассказ «Тысячелистник». Много, много было у меня падений и травм. Так что, помню, в шесть лет, когда моя дальневосточная приятельница Тоня Ковток предложила прыгнуть с крыши сарая, я подумала: «Как это скучно... И рискованно...» Ей выпало прыгнуть первой, она прыгнула и сломала ногу. Глядя на неё сверху, воющую от боли, я подумала: «Ну вот, мне не надо прыгать», спустилась и помогла ей добраться до дома.

Я очень рано начала читать, где-то к 3-м годам. Помню, проникла в мамин класс – я часто это делала – сижу под партой, а кто-то сидящий за партой (вижу лишь руку с алфавитом под партой) показывает мне алфавит и шёпотом объясняет, какая это буква... А вот я сижу за столом в избе в Сидорёнково, и вывожу буквы – учусь писать, сама... Сижу рядом с мамой и помогаю ей проверять диктанты, написанные

в классе. Мой писклявый голос: «Ой, мама, Самошка¹ такой дурак! – Написал „сабака“ вместо „собака“!»

Я была совсем маленькая, когда шла война. В поморцевской школе, где мама учительствовала, висела в учительской огромная карта, утыканная крошечными флажками: точки боевых действий. Взрослые перемещали флажки и о чём-то говорили, смысл сказанного до меня не доходил, я могла лишь видеть их выражения – радости или огорчения, в зависимости от расположения флажков. Ещё, в поморцевском доме маминой соседкой, или, как теперь говорят, «рум-мейткой», была заведующая школой Анна Петровна, которая не позволяла маме плакать по поводу того, что «нет писем с фронта». Анна Петровна говорила: «Помните: каждая слезинка делает морщинку». Позже я узнала, что сама Анна Петровна тогда уже получила похоронку с фронта – погиб её единственный сын. И она находила в себе силы утешать! И ещё помню, позже, в Сидорёнково, такую сценку: бабушка разговаривает с каким-то прохожим солдатом, он сидит на стуле в шинели спиной ко мне, а по спине, по этой шинели, ползают вши, ну просто кишмя кишат... Есть ещё более ранние и более драматические воспоминания о войне в моём детстве в других рассказах... Конец войны, то есть «День Победы», запомнился розовой шалью, которую водрузили на сарай старшие за неимением в доме ничего красного.²

---

¹ Самуил.

² «Бесконечные пыльные дороги».

О родителях моего отца я ничего не знаю, согласно отчету «Кузьмич» отец моего отца звался Кузьма, а как звали его мать, не знаю, но почему-то мне кажется, «Ефросинья». До войны они жили в районе Апшеронска, после войны бесследно исчезли. Моя мама советовала написать запрос в адресный стол, я писала, но этот стол не мог ничем помочь.

Моя мама (1915—1980) была очень талантливым человеком. Бабушка, при всей её интеллигентности и поэтичности, всё же была земной женщиной, а мама – иногда мне даже кажется, она пришла с другой планеты и не могла адаптироваться в земной среде. Когда ей было 14, она изрисовала стены дома (прямо по побелке, внутри), за что была наказана отчимом, побита, и с тех пор боялась брать карандаш в руки, но если я её уговаривала что-то или кого-то нарисовать, она несколькими взмахами руки с карандашом создавала просто гениальный рисунок. Уже в Москве, будучи членом Горкома, или «Грузинки», я всегда вспоминала маму, видя рисунки Ильи Кабакова – те же пропорции, та же линия. Поразительная похожесть. Она окончила педагогическое училище и работала учительницей начальных классов, перемещаясь из одного пункта (чаще деревни) в другой по назначению РОНО (Районный Отдел Народного Образования). Хранила верность призванию – уж если нельзя рисовать, вышила, вязала, кроила, шила, изобрела некий станок, на котором ткала симпатичные коврики, раздавала их; покупала клеёнчатые скатерти и на обратной стороне писала карти-

ны, раздавала их – вешать над кроватью как ковры. На Дальнем Востоке организовала народный театр... Первым мужем её был Евгений Васильевич Малышкин, собственно, он работал завучем в одной с ней школе. Они поженились. Мама всегда помнила Евгения Васильевича и называла его самой большой любовью. Я спросила маму, как он выглядел, и всё что она могла сказать о его внешности – он был очкарик. И она его любила. Их счастье было недолгим. Маленькая дочь Ирочка умерла. Евгения Васильевича забрали и увели однажды ночью – были 30е годы. Он всегда боялся, что с ним это может случиться, и вот, случилось. – Может быть, он участвовал в каком-нибудь молодежном течении... движении? Он родился в 1913г. в Воронежской области и учился в Москве в МИГАИК (Институт Геодезии, Аэрофотосъёмки и Картографии). Уехал в Сибирь, где его нашли вездесущие органы... Мама стала ждать, когда придут и за ней. В это время она работала в г. Белово и снимала комнату в бараке. К её соседке Марии, маминой тёзке, приехал в гости брат Гавриил, кадровый военный. Увидел маму: «Кто такая?» – сестре, влюбился, и остался в Сибири. Устроился работать инкассатором в местном банке. Началась Финская война (1939) – он ушёл. Вернулся. Решил съездить на родину, и мама засобиралась переезжать с ним... 22 июня 1941г., когда поезд прибыл в Москву, где нужно было делать пересадку, по радио объявили начало войны. Где-то я видела письмо, где он сетует: «Всех провожали родные –

матери, жёны, сёстры, только я один...» Потом придут ещё 2 письма из Подмосковья (я храню), ему как артиллеристу нужно было готовить кадры. Как он писал, «адреса нет», потом он исчез, и только по окончании войны маме ответили из военкомата, что последний раз он был раненый в госпитале под Ржевом (1942), и в этот госпиталь попала бомба. Все мои попытки найти место захоронения отца опять же не имели успеха.

Меня крестили Анной

Крестила меня, по правилам беспоповской староверческой секты, старая женщина, а не священник мужского пола. Акт крещения состоялся в отсутствие мамы и без мамино ведома, бабушке не хотелось портить карьеру маме. И во мне же львиная доля Нины. Я помню руки отца. Помню, эти руки поднимают меня, ревущую, с пола, на котором лежит сломанная мною гитара. И ещё: его руки несут меня мимо синей занавески в красных тюльпанах³. Мой отец – по фотографиям и по рассказам: высокий, стройный, светловолосый, синеглазый – для тех, кто его видел, он был трафаретом мужской красоты и человеческих достоинств: «высокий, красивый, ну прямо как Гаврюша Коваленко...» Часто вспоминали, что когда он навещал деревенских родственников – тещу, тестя, т.е. моих бабушку-дедушку, – в дом прибежали

---

³ «Белая Лошадь» – «Симфония в стиле блю и скарлет».

ребятишки и просили его «покатать» на его длинных ногах. Он усаживался нога-на ногу, предлагал ребёнку сесть на носок и раскачивал его как на качелях. И ещё, они с мамой дуэтом играли на гитарах, у каждого по гитаре. На сохранившихся групповых фотографиях он, как правило, чуть в сторонке от группы, с блокнотом и карандашом в руках. О чём он писал? Теперь не узнаю, как не узнаю, что за чертежи были в дневнике дяди Лёни – маминого брата – перед уходом на фронт, какие мечты вынашивал этот русский юноша, обречённый на гибель и забвение. Я даже не нашла его имени на стене Мамаева кургана.

Мама: темноволосая, смуглая красавица. Правда, смуглый цвет кожи был не в моде, и я слышала, как о ней часто говорили: «Вот если бы Маруся была не такой смуглой, какой красавицей она была б!» Я, глядя на неё думала: «На дворе зима, а мама такая загорелая...» Тёмные прямые волосы убраны в пучок на затылке, правильные черты лица, прямой нос, красивые ноги и красивая походка, – всё в ней было каким-то нездешним. Больше от инопланетянки. Особенно красивой она казалась мне с ярко-красными губами – я не понимала, что это губная помада. На Дальнем Востоке мама организовала Народный Театр, который показывал спектакли в районном центре (по милости мамы участвовала и я). Не понимаю, как ей удавалось вымуштровывать актёров, они прекрасно запоминали текст, и конечно, мама делала им костюмы для сцены... Её сестра Валентина в подра-

жание маме потом пыталась сколотить драматический коллектив в деревне Сидорёнково, мне довелось присутствовать при постановке некоего спектакля Валентиной режиссуры; спектакль был замечателен тем, что исполнители не знали своего текста, и Валентине приходилось, высунувшись из-за боковой ширмы, суфлировать довольно громким голосом, одобряя текст от себя отборным матом. Например: «Какой чистый воздух»... Говори, бл... , «Ка-кой, бл., чистый во-оз-дух», ё... твою мать, скотина! Чис-тый воз-дух, бл!..»

Вообще-то детство моё пришлось на годы страшного голода, так говорили вокруг; в войну крестьяне, то есть колхозники, всё отсылали на фронт, после войны на Дальнем Востоке были засуха-неурожай, но я не помню собственных мук голода просто потому, что не обладаю большим аппетитом, не привередлива в еде – и съедала, скажем, варёные картофельные очистки или суп из крапивы заправленный обезжиренным молоком, как должное. Помню, мама – это было на Дальнем Востоке – купила нам в Бикине⁴ на базаре со своей зарплаты кусок хлеба за миллион рублей, и как выглядел этот кусок: серый, овальной формы. Правда, хотелось сладкого, а мне почему-то сладкого не давали, даже бабушка-бабушка не давали, хоть и были пчеловодами. Может быть, боялись, вдруг я выдам, расскажу, и факт: «колхозный мёд едят сами»... Зато летом и весной я выходила на улицу и ела травы. Бесполезно было звать меня обедать, я пря-

---

⁴ Город Бикин в Хабаровской области.

талась, набивая утробу травами. Часто эти мои трапезничания кончались отравлениями. «Белены объелась» – обо мне, я объедалась белены, еле выжила. Но зато познала, какова каждая трава на вкус и на последствия. Очень вкусна трава, названная мною «курочки», с молочком из стеблей... Заячья капуста... Кислица... А больше всего мне нравились стебли лопуха – сорвать, очистить от горькой кожицы, и в рот: мм... Не так давно я вспомнила это блюдо моего детства, проходя мимо лопуха, сорвала стебель, очистила от кожуры, откусила... И удивилась, как я могла это есть, да ещё и находить вкусным.

Мама перемещалась по указанию РОНО, а я была чаще всего на попечении бабушки. В доме, вернее, избе, были ещё две девчонки, бабушкины дочки – мои тётки. Валентина – средняя из трёх сестёр – была замечательна своими длиннющими волосами. Младшая, Ксения, считалась первой красавицей на деревне за её румяные щёки и широко распахнутые карие глаза, и она крепко держалась за этот свой титул. Когда появилась на свет я, ей нужно было делить со мной бабушкино внимание и любовь, да ещё, не дай Бог, титул. Ревность её ко мне выражалась в ехидных комментариях и оскорблениях, смысл которых до меня не доходил, и я любила, всех их любила, пусть безответно..

В 1946 мама завербовалась на Дальний Восток, где работала учительницей в комплексной школе в деревне Надаровка: сады, сады. На деревьях – зелёные плоды слив! В Сибири

такого не росло... У нас квартира в здании школы, квартира из двух комнат: «кухня», то есть прихожая, и «комната», то есть спальня. В спальне – красивая старинная деревянная кровать, как сейчас помню. В прихожей верёвочные качели, с которых я свалилась, взявшись за верёвки слишком низко. Во дворе школы деревья: ранетки и сливы, целый сад. Мне очень нравилось лазить по деревьям. Залезу наверх и сажу, обзираю окрестности...

Школа. Уроки пения – патриотические песни:

*«...Артиллеристы, Сталин дал приказ
Артиллеристы, зовёт отчизна нас
Из тысяч грозных батарей
За слёзы наших матерей
За нашу родину – огонь, огонь!»*

Мне эта песня особенно нравилось, ведь мой отец был артиллерист, и я надеялась, что он вернётся.

В этих краях побывали японцы, это они насажали сливовые сады, в которых утопали украинские хатки (население – украинские переселенцы, бежавшие с Украины во времена Великого Голода 1930х): японские брезентовые ведра, брезентовые раскладушки, японские вышитые картинки на стенах, и даже, помню, мне мама сшила платье из японской ткани в крупные цветы; шоссе – прекрасная «шоссейка», не сравнить с сибирскими грунтовыми дорогами: то ли

жили здесь японцы, то ли просто пленные японцы воздвигали шоссейную дорогу. В «Пяти ступеньках к Воскресению» я рассказываю о пожаре в Надаровке, потушенном пленными японцами (год 1948). И ещё мы, дети, находили в лесочке всякие атрибуты военных действий, патроны, ампулы... Однажды нашли флакончик с рыбьим жиром, в котором плавала мёртвая мокрица; мокрицу мы выловили и выбросили, а рыбий жир дружно распили. И мы много играли в войну. У двора Пинчуков стоял трактор, так мы превратили его в точку фронта. Во время такой игры одна девочка, Маня Подосинникова, лизнула металлические поручни трактора и прилипла языком – стоял мороз, отрывая её, пришлось пожертвовать кончиком языка. Как память о детстве – её картавость.

Весна. Лето

Мама отпустила меня с её знакомым, дядей Димой-пчеловодом, посмотреть его пасеку. Едем по шоссейке верхом на его лошади, я держусь за дядину Диминову спину... Приехали. Вид этой пасеки, то есть красота дальневосточного лесного пейзажа: лианы, диковинные цветы и растения – дядя Дима объясняет их названия. Вот вьющееся растение с небольшими оранжевыми плодиками – дядя Дима говорит, «лимон». «Лимон?» «Ну да, лимонник, дальневосточный». «Я слышала, дядя Дима, в этих местах водятся удавы?» Дядя Дима смеётся: «Наверное, водятся. Но чуть подальше, в Ус-

сурийской тайге». Гнедая лошадь пасётся у домика... Дядя Дима угощает меня ломтем хлеба. Возвращаемся к маме.

Ностальгия: мама засобиралась назад, на родину. Упаковала вещи. А потом... Пришла к маме Анна Ефимовна, её подруга и землячка, с которой они вместе приехали на Дальний Восток, мама была назначена учительствовать в Надаровку, а Анна Ефимовна в село Ласточка, и вот она пришла к маме сказать, что она выходит замуж за жителя Ласточки Ивана Кочкуркина. Тогда мама передумала уезжать – сказала, она тоже остаётся, за неё посватался местный, то есть надаровский парень-тракторист, и она тоже выйдет замуж. До этого её замужества мы жили при школе в квартирке из двух комнат, а теперь надо переезжать в его дом. Переехали. Дом этот под цинковой крышей – по местным понятиям, признак благополучия. Четыре комнаты – прихожая (она же столовая); кухня; большая спальня – для мамы с мужем, и спальня для меня. При доме сад с малиной и сливами, пасека из дюжины ульев. За домом небольшой пруд, в нём весной лягушачья икра, потом – головастики, а летом – лягушки. Во дворе качели... Огород. Ближе к границе с лесом – пчельник, в котором так сладко пахнет – я любила забираться туда летом и вдыхать запах мёда и тёплой соломы, которой был устлан пол. Солнечный луч через оконце... Тишина.

Качели во дворе. Как я сказала, огород граничил с лесом, граница была отмечена колючей проволокой, можно играть

прямо в лесу. Переберёшься через проволоку – и у себя «дома». Там трава «кукольник», из которой можно делать «оде-тых» кукол – участниц маленьких спектаклей, а были ещё кустики с супротивными веточками, из такой веточки получался тоненький человечек. Перед самым домом отчима высоченная ель, дерево северное, а вокруг её ствола – виноградная лоза, растение южное. Такой вот симбиоз. Одно было плохо – я нигде здесь не могла найти хорошей глины для скульптуры, которой была так щедра сибирская земля. (В Сидорёнково у меня была своя скульптурная мастерская – яма в огороде.) В доме, однако, – книги. Много книг дальневосточных авторов и на дальневосточные темы: «Дерсу Узала» Клавдия Арсеньева, рассказы о природе Михаила Пришвина, «Амурские ребята», «Сердце Бонивура»... Я читала запоем.

Но свекровь, Мария Касьяновна – маму недолюбливает, называет «цыганкой». Словесная баталия через стенку: Марья Касьяновна в кухне, мама в моей спальне. Марья Касьяновна считает, что мама «приворожила» её сына, выговаривает ей это через стенку, и вскоре уезжает в Бикин, к своей младшей дочери Даше, грузит свои вещи в грузовик со словами «Я буду жить как кошечка». Я долго тщи-лась представить, как это – «жить как кошечка»? Представлялось блюдце с молоком на полу. Дальше воображение не шло.

...Лето. Навещаем бабушку в Сибири. Едем с множеством

пересадок на разных поездах, включая товарняки. Много туннелей. Пересадка; опять пересадка. Я сижу на чемодане на какой-то станции, мама ушла то ли компостировать, то ли просто добывать билеты, вокруг суета и шум, а мне так хочется спать. Я клюю носом, откуда-то появляется мама, говорит «не спи». Легко сказать, «не спи». Как это мучительно, пытаться не спать, когда слипаются глаза и падает вниз голова. Мама даёт мне «ванильную» булочку и кусочек... «Что это?» «Сыр» – говорит мама. Сначала его вкус непривычен... Потом – *вкусно!* У меня тогда было своё восприятие некоторых слов – определений, например: «сладко» и «вкусно». Мои земляки-челдоны обычно говорили о вкусных вещах: «сладко». В книгах я прочла и в речи моей мамы слышала другое слово, а именно: «вкусно». Это слово мне нравилось больше, и я думала, оно больше подходит к тем вещам, которые я любила, а любила я всё сладкое: мёд, сахар, конфеты. Любовь к сладкому приводила меня к неприятным случаям. Например, такой: бабушка собралась что-то испечь. Разложила на столешнице тесто, фарш, овощи, в сторонке – ложка с горчицей. Горчица показалась мне мёдом, и я стала подкрадываться к ложке. Ближе... Ближе... Схватила ложку – и в рот, проглотила содержимое. Нужно ли описывать ощущения? Внешне это выглядело как пляска святого Витта.

Меня оставили на год в Сибири у бабушки. Здесь мы с подружкой (наверное, с Нюрой Петровой) познакомились

с местной колдуньей или знахаркой – вдовой, живущей на отшибе в мазанке, и всё лето мы брали у неё уроки: она диктовала нам всякие наговоры, мы записывали, выучивали наизусть и потом сжигали текст на заслонке от русской печи – таково было правило. Передавать эту науку можно было только младшему по возрасту, и лишь таким путём. Что-то забылось за ненадобностью, а что-то запомнилось, и даже пригодилось.

Осень – школа

Четвёртый класс. На уроках обмениваемся весёлыми записочками, рисунками, а в перемену толпимся в коридоре у бака с водой. К этому времени стал доступен такой сорт сладости, как сахар-рафинад. Мы приносим с собой в школу по бесформенному куску этого рафинада, твёрдого как гранит, смачиваем в воде из школьного бака и грызём. *Вкусно!* Зима: очень короткий день, рано темнеет, поздно светает. Однако я иду в школу в абсолютной темноте – пораньше, потому что там ждут рассказы-ужастики школьной истопницы тёти... (не помню имени). Вот, дорогу мне перебегают, семена толстыми ножками, силуэт... свиньи? Упыря? Перекрестившись (рецепт Гоголя), продолжаю путь. У раскрытого поддувала печки – полыхает огонь – уже собрались слушатели, и истопница, тётя... (имени не помню) продолжает очередную страшную историю о перевоплощениях колдунов и упырей. Я сообщаю о встрече. Истопница соглашается: да,

то был упырь. Да, да, это был *он* в образе свиньи. А зачем ещё животному бегать в темноте по деревне?

...Дома одна, устраиваюсь читать «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Всё-таки самая страшная история – это не «Вий», там какой-то несчастный старик, который даже не может сам открыть свои глаза: «Поднимите мне веки!» Самая страшная история – это «Страшная месть»! Плывут люди на лодке по реке, а на берегу мертвецы подобно высохшим деревьям вздымают к небу сухие руки... Тут занавеска, за которой спуск в подполье, зашевелилась... Перекрестившись, выскакиваю на улицу: Снег! Белый, чистый снег.

Весна, половодье. Тает снег, и тает лёд, наша речка Иня выходит из берегов, ученики из посёлка Петровский селятся на время половодья у сидорёнковских. У нас Валя Пчелинцева, весёлая как клоун, мы спим на одной кровати, она меня так смешит своими рассказами и детскими анекдотами! Бабушке приходится нас успокаивать: «Ну, хватит хохотать, спать мешаете». Для взрослых половодье – сезон для сплавки леса, деревенские мужчины выбирают в тайгу сплавливать лес. Приходит весть о гибели одного из них, Моисея («Моськи») Токарева. Сезон, подходящий для сплавки леса, и опасный для людей. Но мы – дети, воспринимаем события отстранённо, как зрители большого спектакля.

Пришла весна, и с ней Пасха. Ледоход, то есть лёд, сошёл. В апреле зацветают цветы – на той стороне реки, на хол-

мах, видно с нашего крыльца. И слышно кукование кукушки. В Сибири цветы цветут плантациями, так что с этой стороны можно было видеть цветные лоскуты флоры: нежно-лиловые и белые – «подснежника», то есть *pulsatilla vulgaris*, оранжевые – «огоньков», то есть купальницы, *trollius*... Мы отправляемся вброд «саранки копать», что значит, выкапывать и лакомиться луковицами «саранки» – лилии кудреватой, *lilium martagon*. Идём, минуя растущие в тени розово-синие цветочки «дуньки-медуньки», медуницы, *pulmonaria*, – которые также идут на десерт. За нами непременно семенит чья-нибудь собачонка.

Когда я вернулась на Дальний Восток к маме в сопровождении тёти Валентины, – родилась у мамы моя сестричка Валя – тёзка длиннокозой Валентины. Помню этот день (9 августа 1950г.) и час: полдень... Я вернулась домой с охапкой цветов «золотые шары» – нарвала в заброшенном саду, а тут новость: маленькое новорожденное чудо-чадо. Я мечтала о сестрёнке, и о том времени, когда сестрёнка подрастёт, мы будем вместе качаться на качелях во дворе. И вот, сестрёнка. А месяц спустя после рождения Вали, у соседки-вдовы тёти Наташи Лысенковой, мужа которой отчим нечаянно задавил трактором, родилась девочка Тамара – копия отчима, и он отцовства не отрицал. Наверное, он видел в этом подтверждение мужской потенции, хотя мама была на этот счёт иного мнения.

Осень. Меня отправили учиться в пятом классе – в На-

даровке была лишь начальная школа – в город Бикин. Бикин – это уже Хабаровская область, в то время как Надаровка – Приморский край. Расстояние между нами – четыре ж/д станции. Сначала меня определили на постой к матери отчима, той самой Марии Касьяновны, что теперь жила в доме дочери Даши «как кошечка», потом перевели к «бабушке» Чернавихе. Там мы спали на одной кровати с девочкой из Надаровки Тоней Каширских. Тоня увлекалась акробатикой. К ней приходили девочки из её шестого класса, и вместе они тренировались на полу комнатки, где я возлежала с книгой в руках, наблюдая за их стараниями. Иногда я вставала и со словами «вот так, что ли?» присоединялась к ним: «мостик», «кольцо», «шпагат»... Была ещё одна комнатка, которую Чернавиха сдавала супружеской паре, он – военный, она – молоденькая жена военного, однажды она принесла торт и дала мне кусочек. Я смотрела на торт как на прекрасное архитектурное сооружение, и была потрясена, что это ещё и можно есть, а вкус был такой же, как и представлялся на первый взгляд — *божественно вкусный!*

«Бабушка Чернавиха» – собственно, милостивая женщина средних лет, только седая; в её жизни случилась печальная история: дочь Леночка 14-ти лет пошла с женщинами по ягоды в сезон голубики, отбилась, потерялась. Прошло много лет... Я поминаю Чернавиху в моих «Пяти ступеньках к Воскресению». У неё были ещё двое взрослых детей: Мария и Пётр, или, для нас с Тоней, «тётя Мария» и «дядя Пе-

тя». Мария жила на другом конце Бикина. Дядя Петя приезжал к ней однажды на неделю из северного посёлка Бодайбо, ему почему-то нравилось меня щекотать, поэтому я прямо не могла дожидаться, когда же он уедет.

В январе мама приехала в Бикин из Надаровки навестить меня, и сообщила о смерти бабушки. Помню это печальное утро: за окнами темно. Стук в окно Чернавихинского дома. Голоса: зовут меня на кухню. А мне как раз приснилось, что умерла бабушка, и я плакала сквозь сон. Выхожу на кухню, сидят мама и Чернавиха. Мама говорит: «Пришло письмо из Сибири. Умер бабушка». Я заплакала наяву.

1951-й год

Вот что ещё случилось в эти дни: мама, будучи занята в школе, обращалась за помощью по хозяйству к местным женщинам. В Надаровку недавно прибыла партия переселенцев, среди них тётя Нюра (Анна) Митёхина. Она приходила и помогала маме делать уборку. Они с мамой подолгу беседовали. Оказалось, тётя Нюра сидела в тюрьме за растрату – работала продавцом, случилась растрата – посадили, тогда с этим было строго. И вот однажды, когда их перемещали по этапу, им довелось быть в одном загоне-лагере с мужчинами, ну, несколько минут. Это было на Сахалине... Присевший рядом с ней мужчина-заклужённый успел сказать: «У меня на воле осталась жена. Зовут Мария...» То-

гда мама написала письмо-запрос по адресу, данному тётей Нюрой. Через пару месяцев её вызвали в район, в КГБ⁵, или как ещё это тогда называлось И сказали: «Да, Евгений Васильевич Малышкин – он там, и вы можете к нему присоединиться». Мама отказалась, сказав, что теперь она замужем за другим и даже третьим, и у неё дети от последующих браков. Я тогда не одобряла её «нет», даже в душе её осуждала. Не соединиться с любимым человеком!

...Мама получила пособие за моего погибшего отца, и на это пособие купила шубу из какого-то гладкого меха; ружьё – пугать ворон; гармошку – мне вместо пианино, о котором я мечтала. Втроём – мама, отчим, я – сошли с поезда и шли от станции Контровод по лесу, мама вскинула ружьё и сделала выстрел в никуда, а попала в енота и ранила его. Подобрала, принесла домой, назвала Мишкой, сделала загон, где он жил пока не выздоровел и удрал, сделав подкоп. Мама так расстраивалась, это было самое нежно любимое ею животное. А мне она наняла учителя игры на гармошке – соседа дядю Федю Ахметжанова. Ух. Как я ненавидела эти уроки, мне ведь хотелось пианино, а тут гармошка... В общем, научилась я играть «Цыганочку», а дальше как-то удалось обучение притормозить. Спустя какое-то время мама с отчимом (звали его Лука Емельянович Дусь) продали половину дома, чтобы потом продать вторую половину и уехать

---

⁵ МГБ-авт.

в Сибирь, на мамину родину. Она ностальгировала, и страдала от дальневосточного сырого климата. Тут ещё подрастающая по соседству Тамарка, и травля со стороны Тамаркиной матери тётки Наташи (почему-то не наоборот), которая, встречая маму, хохотала, обзывала, делала неприличные жесты. Мне было как-то странно, что теперь можно жить лишь в половине дома, то есть где прихожая и кухня, а в другой половине украинская супружеская пара. Тётеньку зовут также как и маму, Мария. Меня оставили на год дома, нянчиться с Вале́й, так я пропустила год школы.

Старая цыганка

В Надаровку часто наведывались цыгане. Одна из них – «старая цыганка» – предсказала мне «великое будущее» и «счастье» в зрелом возрасте... («Пять Ступенек к Воскресению») Но меня больше всего удивило тогда: как она знала, что я пропустила год в школе? Начались занятия в шестом классе, на сей раз не в Бикине, а поближе, в семи километрах от Надаровки, в деревне Федосьевка. Я на квартире у местной учительницы Ольги Сергеевны. Она в школе, я делаю поило для её скотины (свиньи, гуси) – одной рукой мешаю «ингредиенты», в другой руке журнал или книга, читаю запоем... Потом, по велению мамы, у пожилой украинской пары. Эти хозяева меня не заставляют делать никаких работ по дому. У них даже есть книги на украинском языке, я чи-

таю их, чуть понимаю. По соседству живёт человек по фамилии Бельский, который учит нас, деревенских детей, украинскому языку. Приходим к нему где-то раз в неделю, и внезем. . . Только жаль, тут, в школе, меня записали в комсомол, событие скорее для меня печальное, чем радостное. Отсиживая часы скучных комсомольских собраний, среди стариков, я скучала по весёлым и ритмичным пионерским сборам. Зачем они меня в комсомол. . . Недобор был, что ли? Я же была малолетней по возрасту. Прямо как раннее замужество. Дочилась до декабря. Конец второй четверти – приходит мама прямо в класс, забирает меня из класса, подсаживает в кузов грузовика, где уже все вещи, отчим, Валя. Едем на ближайшую железнодорожную станцию, и едем мы в Сибирь. Едем с пересадками, и во время одного такого проезда, помню, нашими соседями по купе было небольшое семейство; сестра и брат по имени Коля – мои ровесники. Мы, дети, играли в карты, Коля всё время молчал и умышленно мне проигрывал. . . Его сестра объяснила это так: «Он не может выигрывать у красивых девочек». В будущем Коля станет прообразом немого скульптора в моём романе «Пять ступенек к Воскресению».

. . . Вот мы и приехали в бабушкин дом. Валентина и Ксения к тому времени жили и работали в Белово. В июне у мамы родится ещё одна девочка, Рая. Маме 38, и у неё трудовой стаж 20 лет. Ей не удалось найти место учителя, вся на-

дежда на профессию отчима – трактористы в деревне, в колхозе, всегда нужны. В избушке как бы поменялась власть. Стало тесно. Мама и бабушка не могли ужиться. Решили так: избушка была оценена в 9000 рублей. (Впрочем, не уверена в количестве нулей, два или три, помню лишь корень «9».) Мама даёт бабушке 6000, та делит это между остальными двумя её дочерьми: 3000, 3000. Получается, она разделила избу на три части, раздала дочерям, сама ушла жить к Ксении, у той с её третьим мужем был свой дом в Белово, затем – в поселке Инской, бабушку поместили в подвал, где она спала на лавке и полностью обслуживала Ксению. Я пошла в 6-й класс (третья четверть) в соседнюю деревню Поморцево, так как в Сидорёнково была лишь начальная школа, а в Поморцево семилетка. Между Поморцево и Сидорёнково расстояние 4 километра.

...Утро 6 марта, 1953: Иду в школу в Поморцево пешком, одна. Уже на расстоянии слышу, конкорд женских голосов – то ли мелодия без слов, то ли рыдания... Ближе: у первой с краю избы, и дальше, на дороге вдоль деревни, толпятся женщины, плачут: «Как же мы теперь?...» Радиорепродуктор на телеграфном столбе повторяет страшную весть: умер Сталин. Я тоже плачу. В школе день полной растерянности, горя и тревоги, в самом деле, что теперь будет?... Мы, дети, имели обыкновение клясться в достоверности своих слов именами Ленина «Честное ленинское!» и Сталина «Честное

Сталинское!» – а сегодня умер наш символ.

Время шло дальше, шло вперёд. Теперь, чтобы оправдать моё пребывание в новой маминой семье, я каждое лето и даже начало учебного года, то есть весь сентябрь, должна работать на полевых работах за трудодни (это такая «палочка» в колхозном журнале) на имя отчима: прополка; сенокос; уборка... Впрочем, хорошая школа, и жизни тоже. Мы отправлялись в поле на телегах, то есть на лошадях, запряженных в телеги; всю дорогу женщины пели фольклорные песни. Я ещё прежде, в раннем детстве, слушала эти песни во времена взрослых гуляний, чаще зимой, сидя под столом. А теперь могла сама подпевать. Могла петь вторым голосом, могла первым, всё зависело от состава нашего хора. Во время обеденного перерыва я ловила за шиворот грызунов – мышей, крыс, показывала их моим сотрудницам и отпускала. Одна крыса укусила меня до крови за палец. Мало того, я ловила ящериц и отщипывала им хвосты, в расчёте на отпущение всех грехов: для этого, полного отпущения, нужно было сорок таких ящериц, сорок хвостов – существует такая примета. На моём счету ровно 40. Наш обед, наш скудный «бранч»: хлеб, лук, у кого-то сало, молоко. Мне часто давали женщины поесть, приговаривая: «Эх, Нинка, отрезанный ты ломоть!» Имелось в виду отторжение от маминой семьи: мама не могла простить бабушке её высказывания: «Я хотела бы умереть в этом доме на руках у Ниночки». Она, мама, боялась: вдруг я и в самом деле как-то завладею этим

домом, то есть избой. Вообще-то говоря, она стала меняться не в лучшую сторону: эксперименты с изготовлением алкоголя-самогона, бочонки с «бражкой», которую они с отчимом постоянно пробуют на вкус; пьяные компании...

В Поморцевской школе самым запоминающимся учителем был Михаил Константинович Торопак – «физкультурник», бывший фронтовик. Он учил нас построению: «Налево! Направо! Левое плечо вперед! На месте шагом марш! Раз-два... Смирно!» И т. п. – своего рода уроки ритмики. Я была на квартире у семейства Головачёвых с другими девочками из Сидорёнково, мы спали вшестером, включая хозяйскую дочку Валю, на одной широченной кровати. За постой наши родственники платили Головачёвым по возу угля на зиму. В понедельник мы прибывали в Поморцево с запасом еды на неделю: хлеб, лук, несколько картофелин. Хлеб съедали в первый же день, картошку и лук запекали в духовке и съедали во второй и третий, а дальше до конца недели наступал для нас «Великий Пост»... Полуголод не мешал нам наслаждаться жизнью. Тут со мной была самая лучшая подруга Шура. О ней и о нашей дружбе я пишу «Дальние страны». Мы так хотели убежать, сбежать, в Москву, переодевшись в мальчишек, поступить в военное училище (моя идея), и начать новую, лучшую жизнь. Жизнь потом рассудила иначе. Шуру рано выдали замуж, а я, хоть и уехала в Москву несколькими годами позже, полководцем, как мне мечталось, не стала. А тогда я к этой идее относилась се-

рьёзно, и устраивала своего рода репетиции «военных» действий. Однажды уговорила девчонок-подружек переодеться в мальчишек и подойдя к стайке курящих мальчишек, попросить у них папироску – и что из этого вышло... Потом я стала действовать в одиночку. Около дома Головачёвых собирались мальчишки-школьники, играли в снежки и подобные параспортивные игры. Откуда-то возникал щуплый мальчуган в кепке, налетал на стоящего с краю парня, валил его в снег и так же стремительно убегал. На следующее утро я в классе слушала, как одноклассники возмущались: «Опять этот дурак... свалил меня с ног!» «Откуда такой? Наверно, из Камешков.» «Ух, в следующий раз я его поймаю...» И в таком же духе. Так классно я его, этого «дурака», изображала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.